

A 237
632

Не перепечатать

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

ПЕРЕВОДЪ

СЪ ПОДЛИННИКА, ИЗДАННАГО

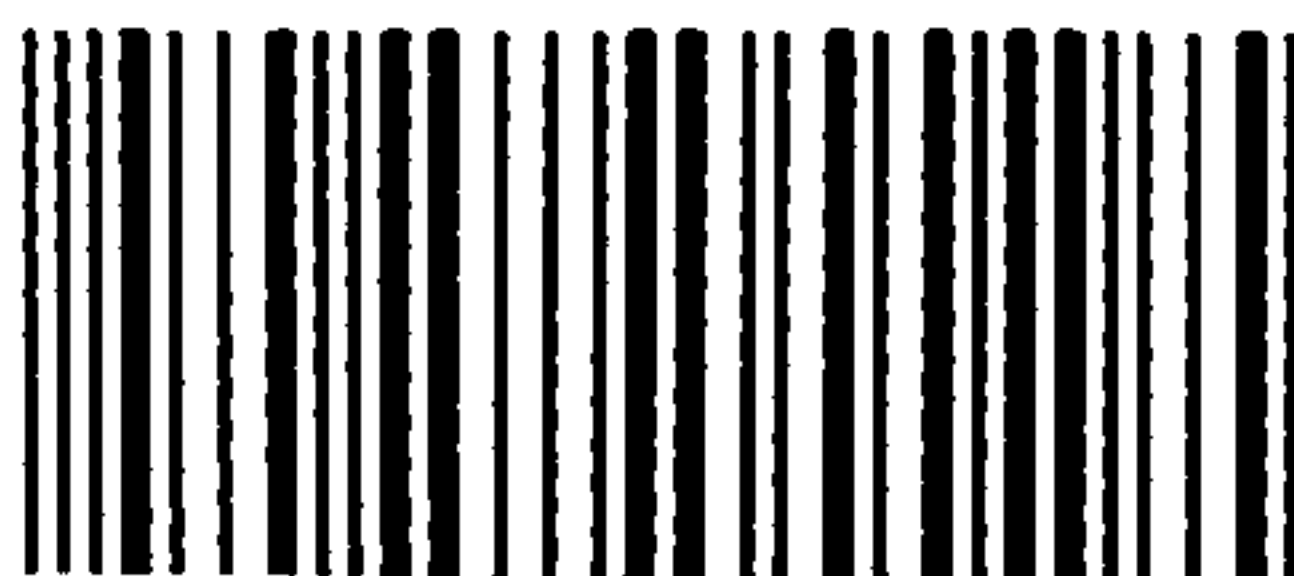
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІЕЙ НАУКЪ

СЪ 12 ПОРТРЕТАМИ И 5 АВТОГРАФАМИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

1907

2007089537

Типографія А. С. Буворина, Зртелевъ. 13

Великая княгиня Екатерина Алексѣевна.

Съ портрета писаннаго Гроотомъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Автобіографическія записки» императрицы Екатерины II въ теченіе ста лѣтъ были окутаны покровомъ государственной тайны и стали извѣстны въ ихъ цѣломъ составѣ лишь въ изданіи Императорской Академіи Наукъ. Правда, и здѣсь встрѣчаются не большіе пропуски, но главные изъ нихъ вошли въ лондонское изданіе той редакціи французскихъ «Мемуаровъ», которую напечаталъ Герценъ въ 1859 году; тогда же и тамъ же появился и русскій переводъ, перепечатанный впоследствии пять разъ за границей и трижды въ Россіи; остальные пропуски академическаго изданія представляютъ собой черновые варианты и не содержатъ ничего существенно-новаго; тѣ и другіе включены въ предлагаемый переводъ.

Хотя доступъ къ «Запискамъ» императрицы былъ крайне труденъ, все же копіи съ нихъ ходили по рукамъ задолго до изданія Герцена.

Самъ императоръ Павелъ разрѣшилъ другу своего дѣтства, князю Александру Борисовичу Куракину, снять съ «Мемуаровъ» копію. Она хранится теперь въ Собственной Его Императорскаго Величества библіотекѣ въ Зимнемъ дворцѣ, въ четырехъ переплетахъ краснаго сафьяна, и написана, какъ и самый подлинникъ, на одной половинѣ страницы, а другая — оставлена чистой. По смерти кн. Александра Борисовича его братъ, кн. Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, подарилъ эту копію императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ лѣтомъ 1824 года, а тѣмъ временемъ А. И. Тургеневъ уже снялъ для себя списокъ той редакціи, которую впоследствии огласилъ Герценъ. Отсюда пошли другіе списки. Въ

1824 году Карамзинъ писалъ Дмитріеву: «Нынѣшней зимою читалъ я «Записки» Екатерины Великой, доведенныя ею только до 1760 года: очень, очень любопытно! Дворъ Елисаветы какъ въ зеркалѣ: времена удивительно перемѣнились. Если пріѣдешь къ намъ въ Петербургъ, то угостимъ тебя и «Записками» Екатерины». Зналъ ихъ и Пушкинъ: копію той редакціи, которую списалъ Тургеневъ, онъ увидѣлъ въ Одессѣ у кн. Воронцова и снялъ съ нея новую копію; ее нашли Жуковский и Дуббельтъ, когда производили опись бумагъ Пушкина въ 1838 году, и представили императору Николаю Павловичу. Такъ какъ Тургеневъ самъ проговорился, что ему были извѣстны «Записки» Екатерины, то ихъ велѣно было отбирать у всѣхъ; но въ 1855 году, по приказанію государя, онѣ были взяты изъ московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, гдѣ временно находились, въ Петербургъ—тогда явились новые списки. Небольшой отрывокъ «Мемуаровъ» на русскомъ языкѣ списалъ Ю. Н. Бартеневъ у кн. А. Н. Голицына, который имѣлъ въ рукахъ бумаги кн. А. А. Безбородка: эта копія впервые напечатана, съ замѣчаніями М. Лонгинова, въ Библиографическихъ Запискахъ 1858 г. [См. ниже, стр. 587—588]. Въ слѣдующемъ году появилось лондонское изданіе; о немъ Н. А. Огарева-Тучкова говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Къ Александру Ивановичу пріѣхалъ одинъ русскій, NN. Онъ былъ небольшого роста и слегка прихрамывалъ. Герценъ много съ нимъ бесѣдовалъ. Кажется, онъ былъ уже извѣстенъ своими литературными трудами. Теперь, когда его уже нѣтъ на свѣтѣ [Это не вѣрно.], я могу открыть тайну, которую знаю одна, могу рассказать о причинѣ, которая его привела въ Лондонъ. Послѣ его перваго посѣщенія, Герценъ сказалъ Огареву и мнѣ: «Я очень радъ пріѣзду NN, онъ намъ привезъ кладъ, только про это ни слова, пока онъ живъ. Смотри, Огаревъ, продолжалъ Герценъ, подавая ему тетрадь, это Записки императрицы Екатерины II, писанныя ею по-французски; вотъ и тогдашняя орфографія—это вѣрная копія». Когда Записки императрицы были напечатаны, NN былъ уже въ Германіи, и никто не узналъ о его поѣздкѣ въ Лондонъ. Изъ Германіи онъ писалъ Герцену, что желалъ бы перевести эти Записки на русскій языкъ. Герценъ съ радостію выслалъ ему одинъ экземпляръ, а черезъ мѣсяцъ переводъ былъ напечатанъ Чернецкимъ; не помню, кто перевелъ упомянутыя Записки на нѣмецкій языкъ и на англійскій, только знаю, что Записки Екатерины II явились сразу на четырехъ языкахъ и произвели своимъ неожиданнымъ появленіемъ неслыханное впечатлѣніе по всей Европѣ. Изданія быстро разошлись. Многіе

утверждали, что Герценъ самъ написалъ эти Записки, другіе недоумѣвали, какъ онѣ попали въ руки Герцена. Русскіе стремились только узнать, кто привезъ ихъ изъ Россіи, но это тайна, которую, кромѣ самого NN, знали только три человѣка, обучившіеся молчанію при Николаѣ I».

Во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ и переводахъ неизмѣнно повторялись многочисленныя погрѣшности перваго; но все же благодаря ему можно было пользоваться однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ источниковъ русской исторіи и было бы крайне несправедливо упрекать теперь Герцена или его «знакомаго» за ошибки копій, которую едва ли возможно было тогда сверить съ подлинникомъ; даже В. А. Бильбасовъ для своей «Исторіи Екатерины Второй» пользовался исключительно изданіемъ Герцена и ему не были извѣстны другія редакціи «Мемуаровъ».

Выдающійся историко-литературный и психологическій интересъ этого памятника давно признала иностранная и русская критика; наиболѣе цѣнные отзывы и замѣтки о немъ принадлежатъ Зибелю, Рамбо, Сентъ-Бёву — за границей, и Герцену, Щербальскому, Бильбасову — у насъ. Нынѣ, въ академическомъ изданіи, «Мемуары» императрицы пріобрѣтаютъ новую и еще большую цѣну, чѣмъ прежде; не говоря уже о томъ, что они проливаютъ много свѣта на личность и дѣятельность Екатерины II, въ нихъ заключается богатый матеріалъ для исторіи русскаго двора, общества и государства въ XVIII вѣкѣ. Въ настоящемъ предисловіи не можетъ быть и рѣчи о научномъ объясненіи подлинника въ его цѣломъ составѣ — читатель найдетъ далѣе лишь краткія указанія относительно порядка, въ какомъ слѣдовали одна за другою главныя редакціи «Мемуаровъ».

Въ Государственномъ архивѣ хранится тетрадь, написанная карандашомъ и заключающая въ себѣ «Мысли, замѣчанія императрицы Екатерины II и анекдоты. [См. ниже стр. 625—640]. Последняя замѣтка въ этой тетрадѣ относится къ 1761 году, а подъ № 29 записанъ «Анекдотъ о Брокдорфѣ» съ пометой «1760». Это — во всемъ составѣ «Записокъ» Екатерины наиболѣе ранній изъ помѣченныхъ ею отрывковъ. Но въ «Запискахъ» есть указаніе, что послѣ ареста Бестужева Екатерина сожгла всѣ свои бумаги и въ числѣ ихъ черновую рукопись, озаглавленную: «Набросокъ начерно характера философа въ пятнадцать лѣтъ», и предназначенную для гр. Гюлленборга. Объ этой рукописи она говоритъ далѣе: «Я нашла эту бумагу въ 1757 году и, признаюсь, я была поражена, что въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ я уже

обладала такимъ большимъ знаніемъ всѣхъ изгибовъ и тайнъ моей души; я увидѣла, что сочиненіе это было глубоко обдуманно и что въ 1757 году я не нашла ни одного слова прибавить къ нему, и что черезъ тринадцать лѣтъ я также въ себѣ самой ничего не открывала, чего бы не знала въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ». [Стр. 62].

За этимъ не уцѣлѣвшимъ наброскомъ автопортрета слѣдовала краткая редакція «Записокъ», составленная на скорую руку для кого-то изъ очень близкихъ друзей, можетъ быть, для графа Станислава-Августа Понятовскаго, въ концѣ 1750-хъ годовъ. × [Стр. 467—499]. Автографъ хранится въ Госуд. архивѣ и по внѣшнему виду отличается отъ позднѣйшихъ рукописей императрицы.

Къ только-что указанной редакціи «Записокъ» примыкаетъ автографъ Госуд. архива: «Упущенные случаи», съ надписью: «То, что я знаю, и то, о чемъ вспоминаю, и что должно быть внесено въ записки или, по крайней мѣрѣ, служить приложеніемъ къ нимъ». [Стр. 546—550].

Далѣе слѣдуютъ двѣ редакціи 1760-хъ годовъ: изъ нихъ первая близка къ предыдущей какъ по внѣшнимъ признакамъ, на примѣръ, по клеймамъ, формату и качеству бумѣ и, такъ и по общему тону разсказа; другая заключаетъ въ себѣ описаніе переворота 1762 года и совпадаетъ по содержанію съ извѣстнымъ письмомъ Екатерины II къ Понятовскому. × [Стр. 500—503 и 504—522].

Съ этого времени растетъ переписка императрицы съ иностранными и русскими корреспондентами, и ея письма какъ бы сплетаются съ позднѣйшими редакціями «Записокъ»: тамъ и тутъ встрѣчаются однѣ и тѣ же темы, подчасъ одни и тѣ же выраженія.

Въ 1770 году Екатерина напечатала «Антидотъ» въ опроверженіе книги аббата Шаппа д'Отероша «Путешествіе въ Сибирь» и закончила его обѣщаніемъ: «Третья часть, которая будетъ гораздо интереснѣе, появится въ теченіе 1771 года». Этого обѣщанія императрица не сдержала, но въ 1771 году, по ея собственнымъ словамъ, начата редакція «Мемуаровъ», посвященная графинѣ Брюсъ. × [Стр. 1—72]. Слѣдующая редакція, посвященная бар. Черкасову, носитъ заглавіе: «Записки, продолженныя въ 1791 году». × [Стр. 73—142]. На первый взглядъ эти точныя даты ясно указываютъ на промежутокъ въ 20 лѣтъ между «Началомъ» и «Продолженіемъ» или между «Первой» и «Второю частью», а за ними, повидимому, слѣдуетъ × «Третья часть». [Стр. 142—194]. Но въ дѣйствительности «Третья часть» написана не позже 1772 г.,

а «Первая», по свидѣтельству самой Екатерины, была начата и въ 1790-мъ году. Это значить, что императрица, набросавъ всѣ три части въ 1771—1772 гг., приступила черезъ 20 лѣтъ къ ихъ новой обработкѣ. Черновой планъ «Второй» и «Третьей части» сохранился въ Собственной Ея Императорскаго Величества библіотекѣ въ Зимнемъ дворцѣ: автографъ содержитъ «Хронологическія замѣтки» 1745—1751 гг. [Стр. 195—200]. Впрочемъ, событія 1751 года не вошли въ «Третью часть» — они изложены въ послѣдней редакціи, въ той самой, которую въ 1859 г. напечаталъ Герценъ. [Стр. 201—461]. Уже Бильбасовъ высказалъ предположеніе, что Екатерина работала надъ «Мемуарами» въ 1794 году; по нѣкоторымъ основаніямъ можно думать, что она продолжала эту работу и въ 1796 году. Къ послѣдней редакціи примыкаетъ автографъ Госуд. архива, заключающій въ себѣ подробности, которыя императрица не успѣла внести въ «Мемуары». [Стр. 462—466].

Что касается русскихъ «Записокъ» Екатерины II, то наибольшій интересъ представляютъ два автографа 1794 года, связанные съ докладомъ гр. А. А. Безбородка «о дѣлахъ политическихъ, военныхъ и внутреннихъ государыни императрицы Екатерины II» [Стр. 523—534 и 537—545]. Любопытно, что въ этихъ двухъ «Запискахъ на руссiйскомъ языкѣ» почти буквально повторяются мысли, высказанныя императрицей въ «Антидотѣ», т. е. на разстояніи четверти вѣка. Выше упомянуто, что Екатерина въ 1745 году написала свою характеристику для гр. Гюлленборга — къ той же темѣ она вернулась десятки лѣтъ спустя въ перепискѣ съ Сенакомъ де-Мельяномъ въ маѣ 1791 года.

Такъ, въ пятнадцать и въ шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ Екатерину занимаютъ ея личность и ея судьба; и своему первому учителю жизни, графу Гюлленборгу, и презираемому ею льстецу-эмигранту, Сенаку-де-Мельяну, она пишетъ «всю правду» о себѣ самой. Разумѣется, въ этихъ признаніяхъ, какъ и въ «Автобіографическихъ запискахъ», она не была вполне искренней и оставалась себѣ на умѣ. «Я видѣла, что ей хотѣлось вызвать меня на разговоръ», пишетъ она о г-жѣ Крузе, желавшей вывѣдать ея мнѣніе объ императрицѣ Елисаветѣ, «и потому — замолчала». Жизнь научила ее хитрить и притворяться въ раннемъ дѣтствѣ и недаромъ о своей первой наставницѣ она говоритъ: «M-lle Кардель очень заботилась о томъ, чтобы я, да и она также, являлась передъ отцомъ и матерью такою, какой могла бы имъ нравиться. Слѣдствіемъ этого было то, что я стала слишкомъ скрытной для своего возраста». [Стр. 2]. Искусствомъ нравиться,

даже по признанію ея враговъ, императрица владѣла въ совершенствѣ; желаніе привлечь и расположить къ себѣ людей — яркая черта ея характера и основной мотивъ ея «Записокъ»; въ нихъ она продолжаетъ все ту же работу, какую начала въ 1755 году — писать свой «портретъ» и съ тѣми же характерными приемами, къ какимъ прибѣгали поэты и живописцы-классики XVIII вѣка.

Dedie' a Mon Amie la
Comtesse Beauve
Comtesse Boumangot
a laquelle je puis tout
dire sans que cela tire
a consequence.

* Elle s'y prit mal avec ma
mère d'après ^{cette} ~~elle~~ la
renvoya bientôt après.

Memories commenced La 21.
d'April 1791.

Je suis née le 21 Avril 1929 / Myada
cela aujourd'hui 42 ans / à Ratten
en Poméranie, on m'a dit que
comme si l'on voulait un fils on ne
fut qu'une fille que je fus la pre-
mière enfant, mon père cependant
n'eut plus de contentement que
celui qui l'entourait. Ma mère
pensait mourir en me mettant au
monde et encore longtemps après.
On m'a donc pour nourrice la
femme d'un soldat Prussien qui
n'avait que 19 ans, elle était
vive et jolie. On me mit entre
les mains d'une Dame qui
était veuve d'un M^r. d'Hohen-
dorf laquelle tenait lieu de
Dame de compagnie à ma
mère. On m'a dit que cette Dame
avait su si mal s'y prendre avec
moi, quelle me rendit très ente-
ché. Et comme elle était brusque
et quelle aimait à élever
et qu'elle avait la voix rauque
et oppressante elle fit si bien
que je ne faisais jamais ce qu'on
voulait à moins qu'on me
l'eût dit au moins trois fois
et cela avec une voix très forte.
A l'âge de deux ans on me
mit entre les mains d'une
française réfugiée nommée
Magdeleine Sardel qui était
d'un caractère insinuant et flat-
teur.

ЗАПИСКИ,

начатыя 21 апрѣля 1771 года.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

*Посвящается другу моему, графинѣ
Брюсъ, рожденной графинѣ Румянцовой,
которой могу сказать все, не опасаясь
последствій.*

Я родилась 21 апрѣля (2 мая) 1729 г. (тому сегодня 42 года) въ Штетинѣ, въ Помераніи. Мнѣ рассказывали, что, такъ какъ желали сына, то вовсе не были рады, что я появилась первой; впрочемъ отецъ выказалъ больше удовольствія, нежели его окружавшіе. Мать чуть не умерла, производя меня на свѣтъ, и еще долго спустя находилась между жизнью и смертью. Въ кормилицы дали мнѣ жену прусскаго солдата, которой было лишь 19 лѣтъ: это была женщина живая и красивая. Меня поручили одной дамѣ, вдовѣ нѣкоего фонъ-Гогендорфа, занимавшей мѣсто компаньонки при моей матери. Мнѣ рассказывали, что эта дама такъ неумѣло взялась за меня, что сдѣлала меня очень упрямой. Она такъ же дурно обошлась и съ матерью, но та вскорѣ ей отказала, такъ какъ эта женщина была груба и любила возвышать голосъ. Она повела дѣло такъ хорошо, что я никогда не слушалась иначе, какъ если

мнѣ прикажутъ по крайней мѣрѣ раза три и притомъ очень внушительнымъ голосомъ. Съ двухлѣтняго возраста ея вручили французенкѣ-эмигранткѣ, по имени Магдалинѣ Кардель, которая была вкрадчиваго и льстиваго характера, но считалась немного фальшивой; она очень заботилась о томъ, чтобы я, да и она также, являлась передъ отцомъ и матерью такою, какой могла бы имъ нравиться. Слѣдствіемъ этого было то, что я стала слишкомъ скрытной для своего возраста. Отецъ, котораго я видѣла не такъ часто, считалъ меня ангеломъ; мать не очень-то беспокоилась обо мнѣ: черезъ полтора года послѣ меня у нея родился сынъ, котораго она страстно любила; что касается меня, то я была только терпима, и часто меня награждали колотушками въ сердцахъ и съ раздраженіемъ, но не всегда справедливо; я это чувствовала, однако вполне разобрать въ своихъ ощущеніяхъ не могла. Когда мнѣ было около четырехъ лѣтъ, Магдалина Кардель вышла замужъ за адвоката, по имени Коларъ, и меня поручили ей младшей сестрѣ, Елисаветѣ Кардель, смѣю сказать, образцу добродѣтели и благоразумія—она имѣла возвышенную отъ природы душу, развитой умъ, превосходное сердце; она была терпелива, кротка, весела, справедлива, постоянна и на самомъ дѣлѣ такова, что было бы желательно, чтобы могли все найти подобную при всѣхъ дѣтяхъ. На свадьбѣ Коларъ я ошьянѣла за столомъ, послѣ чего вовсе не хотѣла ложиться спать безъ нея и такъ кричала, что должны были унести меня и уложить между отцомъ и матерью. Бабушка Кардель вначалѣ мнѣ чрезвычайно не нравилась: она меня не ласкала и не льстила мнѣ, какъ ея сестра; эта послѣдняя тѣмъ, что давала и обѣщала мнѣ сахару да варенья, добила то, что испортила мнѣ зубы и приучила меня къ довольно бѣглому чтенію, хоть я и не знала складовъ. Бабушка Кардель, не столь любившая показной блескъ, какъ ея сестра, снова засадила меня за азбуку и до тѣхъ поръ заставляла складывать, пока не рѣшила, что я могу обходиться безъ этого. Мнѣ дали учителя чистописанія и учи-

теля танцевъ. Учитель чистописанія заставлялъ меня обводить чернилами буквы, которыя онъ писалъ карандашомъ; учитель танцевъ заставлялъ ходить и дѣлать кое-какія па на столѣ; но это были, кажется, даромъ брошенныя деньги, потому что я научилась писать и танцовать въ дѣйствительности лишь гораздо позже; и вотъ что такое это раннее образованіе, которое обыкновенно ни къ чему не ведетъ.

Когда мнѣ было три года, отецъ съ матерью свезли меня къ бабушкѣ въ Гамбургъ. Одно только обстоятельство я припоминаю изъ этой поѣздки, это то, что меня взяли въ нѣмецкую оперу и я увидѣла тамъ актрису, одѣтую въ голубой бархатъ, шитый золотомъ; она держала бѣлый платокъ въ рукахъ; увидѣвъ, что она вытираетъ имъ глаза, я начала такъ искренно плакать и кричать, что пришлось отослать меня домой. Эта сцена такъ сильно запечатлѣлась у меня въ душѣ, что я еще помню ее и сейчасъ.

По возвращеніи въ Штетинъ я чуть не убила до смерти и вотъ какимъ образомъ: я играла въ комнатѣ матери, гдѣ стоялъ шкафъ, полный игрушекъ и куколъ; ключъ отъ него былъ у меня; однажды я до того изловчилась, что шкафъ упалъ на меня и накрылъ меня совсѣмъ; мать подумала, что меня задавило, вскочила и бросилась ко мнѣ; но, къ счастью, дверцы шкафа были отперты, и онъ лишь такъ удачно накрылъ меня, что я осталась подъ нимъ цѣла и невредима, отдѣлавшись однимъ испугомъ. Въ другой разъ я чуть не проткнула себѣ глазъ ножницами: остріе попало въ вѣко.

Помню, я проставила 1733-й годъ въ письмѣ, которое написала матери, находившейся тогда въ отъѣздѣ. Въ томъ же самомъ году, помню, видѣла я въ Брауншвейгѣ короля Фридриха-Вильгельма: меня ввели въ комнату, гдѣ онъ находился; сдѣлавъ ему реверансъ, я, говорятъ, пошла прямо къ матери, которая была рядомъ со вдовствующей герцогиней Брауншвейгской, ея теткой, и сказала имъ: «почему у короля такой короткій костюмъ? онъ вѣдь доста-

точно богатъ, чтобъ имѣть подлиннѣе?» Король захотѣлъ узнать, о чемъ я говорила; пришлось ему сказать; говорятъ, онъ посмѣялся, но это ему не понравилось.

Въ 1734 году мать разрѣшилась вторымъ сыномъ. Старшій, который сталъ хромымъ, дожилъ только до тринадцатилѣтняго возраста и умеръ отъ сыпного тифа. Послѣ его смерти узнали причину несчастнаго случая, который мѣшалъ ему ходить безъ костыля и изъ-за котораго непрестанно давали ему бесполезныя лѣкарства и обращались къ самымъ извѣстнымъ врачамъ Германіи; врачи совѣтовали посылать его на воды въ Ахенъ, Теплицъ и Карлсбадъ; онъ возвращался оттуда все такимъ же хромымъ, какимъ туда ѣздилъ, и нога все уменьшалась по мѣрѣ того, какъ онъ подрасталъ; когда онъ, наконецъ, умеръ, его вскрыли и нашли, что у него былъ вывихъ бедра; начало этого можно было приурочить лишь къ самому раннему дѣтству. Припоминали, что, когда ему было полтора года, у него сдѣлался такой сильный жаръ, что думали, у него горячка, и послѣ этого онъ пересталъ ходить. Отсюда предположили, что его, вѣроятно, уронили женщины, имѣвшія за нимъ уходъ, и что тогда онъ вывихнулъ бедро, но этого ни онъ сами и никто другой не замѣтили во время, чтобы принять нужныя мѣры. Въ 1736 году мать родила вторую дочь, которая умерла нѣсколько недѣль спустя.

До семилѣтняго возраста я почти никогда не хворала. Я была только подвержена тому, что голова и руки покрывались извѣстнаго рода коростой, которая такъ часто появляется у дѣтей: въ Россіи ее зовутъ золотухой и стараться лѣчить ее очень опасно; оттого мнѣ и не давали никакого лѣкарства. Когда она появлялась на головѣ, мнѣ стригли волосы, пудрили голову и заставляли меня носить чепчикъ. Когда она появлялась на рукахъ, мнѣ надѣвали перчатки, которыхъ я совсѣмъ не снимала до тѣхъ поръ, пока не отпадали корки. Мнѣ было семь лѣтъ, когда у меня сдѣлался очень сильный кашель. Обыкновенно каш-